

Чэн Цзайе ушёл только после того, как закончил заниматься принесённым подсолнухом.

Как и говорил Мартин в самом начале, комната хоть и была небольшой, но в ней имелось всё необходимое. Цзян Шоуянь сидел на диване и наблюдал, как Чэн Цзайе достал из не приметного шкафчика садовые ножницы, консервант для срезанных цветов и вазу, поразительно напоминающую «Звёздную ночь» Ван Гога. Затем он поставил «звёздную» вазу с подсолнухом на подоконник, рядом с бутылкой из-под вина, которую ранее использовал Цзян Шоуянь.

Закат окрасил горизонт в багряные тона, тень Чэн Цзайе, вытянутая лучами солнца, легла на кончики пальцев Цзян Шоуяня. Тот некоторое время смотрел на неё, опустив глаза, а затем произнёс:

— Уже поздно.

Чэн Цзайе обернулся:

— Да.

Цзян Шоуянь проводил Чэн Цзайе до двери. Створка постепенно закрылась и отсекала последние отголоски палящего зноя. В воздухе осталась лишь проникшая сквозь щель тонкая струйка угасающей тоски.

Цзян Шоуянь стоял, опустив взгляд. Казалось, остатки его жизненных сил исчезли вместе с ушедшим гостем. Внезапно навалилась усталость. Он прислонился к дверному косяку, чтобы перевести дух, и лишь потом дошёл до дивана и лёг. Его взгляд остановился на двух вазах с подсолнухами — большой и маленькой — на подоконнике, за которыми расстилалась оранжево-красная береговая линия. Цзян Шоуянь лежал, пока закат полностью не угас, а небо не подёрнулось серой дымкой сумерек.

Телефон в его кармане провибрировал несколько раз, вырывая мысли из неведомых далей. Цзян Шоуянь включил экран и прищурился, привыкая к резкому синему свету. Это было

сообщение в WeChat от Чэн Цзайе. В новом окне чата высветились три белых диалоговых облачка:

«Я добрался до дома».

«Мы только что ужинали с Пауло, поэтому я немного задержался».

«Пауло — тот друг, который помог мне сдать дом в аренду».

Едва Цзян Шоуянь дочитал эти три сообщения, как появилось новое:

«Ты поужинал?»

Цзян Шоуянь ответил коротким: «Угу». Непонятно, к какому именно сообщению это относилось, поэтому ответ выглядел небрежным и холодным. В верхней части диалогового окна появилась надпись «печатает...». Через две секунды она исчезла. А спустя три секунды снова появилось «печатает...».

Ждать было скучно, и Цзян Шоуянь машинально ткнул пальцем в экран, который вот-вот должен был погаснуть. Опомнился он, только когда понял, что зашёл в ленту «Моментов» Чэн Цзайе. В отличие от ленты самого Цзян Шоуяня, где половина немногочисленных записей касалась работы, личная жизнь Чэн Цзайе была настолько насыщенной, что вызывала невольную зависть.

Как и почувствовал Цзян Шоуянь при их первой встрече, бьющая через край жизненная сила этого человека была следствием свободного роста среди ветров, дождей и солнечного света. Пейзажные снимки из разных стран и мест... Можно было долго листать, и они всё не заканчивались. Цзян Шоуянь открыл несколько последних записей.

Январь — наблюдение за северным сиянием на мысе Нордкап в Норвегии. Февраль — катание

на лыжах в Альпах. Март — Сицилия, поиски таинственной и прекрасной легенды. Апрель — Сванеке, Дания, наслаждение самым ярким солнцем Северной Европы. Май — пеший поход по Плитвицким озёрам в Хорватии.

Июнь. Цзян Шоуянь замер.

Июнь в Португалии. Была только одна фотография: сине-белый навес кондитерской с пирожными паштел-де-ната в районе Белен. Это было старинное заведение с почти двухсотлетней историей, родина португальских яичных тарталеток.

Когда Цзян Шоуянь впервые приехал в Лиссабон, он, прослышав об этом месте, отстоял очередь, чтобы купить их. Неожиданно бабушке они очень понравились, и с тех пор он каждый раз привозил их из командировок. Яичные тарталетки в доме Чэн Цзайе тоже были из этой кондитерской. Вот только Цзян Шоуянь смутно припоминал, что это заведение не принимало заказы на доставку.

Цзян Шоуянь вернулся в окно чата. Диалог затих, новых сообщений не поступало довольно долго. Небо окончательно почернело, превратив улицы Кашкайша в сцену, на которой неспешно разворачивалась ночная жизнь: внизу весёлые голоса перебрасывались фразами на португальском.

Цзян Шоуянь почувствовал сонливость. Он отложил телефон, вернулся в спальню и принял душ. Надев свободную футболку и вытирая на ходу волосы, зашёл на кухню. Открыв холодильник и увидев абсолютно пустые полки, он вспомнил, что вино закончилось. Без алкоголя уснуть было невероятно трудно.

Цзян Шоуянь некоторое время ворочался в густой до удушья ночной тьме. Наконец глубоко вздохнул, подавил желание что-нибудь разбить, встал с кровати, захватил куртку, телефон, пачку сигарет и поднялся на террасу, чтобы проветриться.

Над головой сияли звёзды, ветер с Атлантики шевелил его не до конца высохшие волосы. Огонёк зажигалки пару раз дрогнул на ветру и погас. Цзян Шоуянь медленно затянулся. Никотин отлично подавил раздражение, бурлившее в глубине души.

Мужчина опустился в плетёное кресло, наклонился и включил телефон. На экране высветилось несколько сообщений в WeChat от Чэн Цзайе, пришедших пять часов назад. Цзян Шоуянь на секунду замер, затем провёл большим пальцем по экрану, разблокируя его.

«Извини, внезапно позвонил друг».

«Завтра суббота, они позвали меня поиграть в пляжный волейбол».

«Хотел спросить, есть ли у тебя планы на завтра».

«Если нет, не хочешь пойти с нами?»

Спустя две-три минуты пришло ещё одно:

«Заодно верну тебе одежду».

Португальцы почти всегда предпочитают проводить выходные на пляже: плавать, заниматься сёрфингом, играть в волейбол или просто загорать, пить и болтать в прибрежных барах. Было два часа дня — самое солнечное время. Цзян Шоуянь, одетый в футболку и шорты, открыл дверь. Глядя на залитое светом пространство, способное, кажется, расплавить на месте, он подумал, что у него, похоже, не всё в порядке с головой.

Цзян Шоуянь не помнил, во сколько уснул. Однако край неба уже начал светлеть, а в фарфоровой чашке на низком столике было затушено пять окурков. Проснувшись, он долго смотрел в историю переписки на короткое «Угу», отправленное им в 4:50 утра.

Но раз уж слово дано, назад дороги нет. За столько лет, проведённых в суровой социальной борьбе, он усвоил закон выживания взрослых людей: даже если тебе чего-то совсем не хочется, ты всё равно должен натянуть на лицо маску радости. Тем более что на самом деле он был не так уж против показаться на людях.

Выходя из дома, Цзян Шоуянь машинально взглянул на подвесную корзину у двери и, как обычно, встретился взглядом с зелёной сердцевинкой подсолнуха. Внизу открылась и закрылась дверь автомобиля. Цзян Шоуянь сделал пару шагов вперёд, выглянул и увидел Чэн Цзайе в цветастой рубашке, пёстрых шортах и солнечных очках. Он опирался на машину и смотрел вверх, на второй этаж. Через разделяющее их расстояние Чэн Цзайе помахал ему:

— Цзян Шоуянь.

Тот в очередной раз удивился странному выговору. Не в смысле интонации или акцента — наоборот, у Чэн Цзайе было стандартное произношение, — но его имя он произносил очень мягко. Настолько, что Цзян Шоуянь впал в лёгкое оцепенение: неужели эти три иероглифа сами по себе настолько двусмысленны?

Наверху вольно росла бугенвиллея, её длинные ветви струились вниз по розовой стене, отбрасывая пурпурную тень на висок Цзян Шоуяня. Чэн Цзайе пальцем чуть сдвинул край солнечных очков, слегка прищурив уголки глаз от яркого света. Он непринуждённо улыбался, но его голос звучал спокойно и глубоко:

— Цзян Шоуянь, пойдём туда вместе.

Местом встречи был тот же пляж, что и в прошлый раз. Несколько друзей уже ушли занимать места. Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе шли плечом к плечу, тень листвы скользила по их плечам, перемежаясь с яркими лучами солнца по мере движения вперёд.

Чэн Цзайе повернул голову и взглянул на Цзян Шоуяня, который всё ещё доедал пирожное. Сегодня Чэн Цзайе положил в корзину «Наполеон».

— Не обедал?

Цзян Шоуянь лениво кивнул:

— Слишком поздно встал.

Чэн Цзайе вспомнил ответ, полученный сегодня в пять утра. Теперь казалось, что дело не в раннем пробуждении, а в том, что он вообще не ложился.

— Ещё не перестроился из-за разницы во времени? — спросил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь проглотил кусочек торта и рассеянно кивнул. Он плохо переносил солнце: стоило пройти совсем немного, как кончик его носа покраснел, а на лбу выступила испарина.

Когда они спустились по тропинке, игра уже началась. Играли в пляжный волейбол двое на двое, площадка занимала немного места. Кто-то сбоку окликнул Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь посмотрел туда и узнал парня, который в прошлый раз держал доску для сёрфинга. Чэн Цзайе повернулся к Цзян Шоуяню:

— Это Ви.

Ви взволнованно подбежал к ним и поздоровался с Цзян Шоуянем на английском с сильным португальским акцентом:

— (Привет, снова встретились.)

Цзян Шоюань ответил на португальском:

— (Привет, я Райли. Можешь говорить со мной по-португальски, я понимаю.)

Ви, словно не осознав услышанного, снова ответил по-английски:

— (Да? Это просто отлично.)

Чэн Цзайе больше не мог этого слушать. Английский Ви и впрямь был пыткой для ушей: ударения вечно падали не туда. Он похлопал Ви по плечу:

— (Ты можешь говорить по-португальски, Райли понимает.)

Цзян Шоюань впервые слышал, как Чэн Цзайе говорит по-португальски: неспешный темп речи, голос чуть понижен. Очень мелодично.

Увидев знакомое лицо, Ви, наконец, смог перестроиться, но, взглянув на Цзян Шоюаня, он снова запнулся, будто выполняя в голове сложную лингвистическую конвертацию:

— (Прости, вижу восточное лицо — и невольно тянет перейти на английский.)

Цзян Шоюань улыбнулся:

— (Ничего страшного.)

Волейболисты остановились и подошли поздороваться. Один из них держал мяч под мышкой. Чэн Цзайе терпеливо представил Цзян Шоюаню своих друзей. Все приветливо пожимали руку Цзян Шоюаню, хвалили его португальский и внешность. Цзян Шоюань благодарил каждого.

Последним был Пауло — с копной вьющихся волос и открытой улыбкой, обнажающей клычки. Он с расстановкой произнёс китайское имя Цзян Шоюаня, при этом поглядывая на Чэн Цзайе. Тот и глазом не моргнул.

После знакомства все разбились на группы по интересам: кто-то играл в волейбол, кто-то загорал. Цзян Шоюань, привыкший работать в помещениях с кондиционером и редко бывающий на свежем воздухе, плохо переносил солнце, поэтому устроился в тени, чтобы в прохладе предаться лени. Ви сел рядом.

Чэн Цзайе перекинулся парой фраз с друзьями на площадке, передал мяч и подошёл к Цзян Шоюаню. Тот поднял на него глаза. Чэн Цзайе снял с плеча маленькую сумку и поставил её у ног Цзян Шоюаня.

— Присмотришь за сумкой? — Чэн Цзайе снял очки, присел на корточки и посмотрел на него снизу вверх — такому взгляду было сложно отказать.

— В сумке есть минералка, если захочешь пить — бери, — приговаривал Чэн Цзайе, доставая воду. — Ещё печенье и снеки.

Он вытащил всё из сумки, затем снял пёструю рубашку, запихнул её внутрь и выпрямился. На мгновение Цзян Шоюаню показалось, что Чэн Цзайе хочет погладить его по голове. Морской бриз ласково перебирал мягкие чёрные волосы Цзян Шоюаня. Чэн Цзайе опустил глаза, у него были высокие надбровные дуги и переносица, отчего глазницы казались глубокими.

— Ну, я пошёл.

Цзян Шоуянь кивнул:

— Хорошо.

Пляжный волейбол два на два. Белый песок был мягким, а солнечный свет, струясь по обнажённой коже, придавал ей медовый блеск. Ви наклонился и сказал:

— (Zerhug отлично играет. Когда он учился в Германии, был капитаном команды университета по волейболу в помещении.)

Цзян Шоуянь слушал вполуха, его взгляд был прикован к пальцам Чэн Цзайе, крутящим мяч:

— (Правда?)

Вскоре Цзян Шоуянь понял, что скрывалось за словом «отлично». Волейбол в какой-то степени жестокий вид спорта, особенно во время удара: тело, прогибаясь в прыжке, напоминает натянутый лук, а в момент взрыва силы чувствуется особая, дикая дерзость.

Пользуясь преимуществом в росте, Чэн Цзайе забил несколько мячей подряд, отчего лицо играющего против него Пауло буквально почернело. Чэн Цзайе немного постоял, уперев руки в бока, затем внезапно повернулся к Цзян Шоуяню. Его глаза хитро блеснули, и он с улыбкой пригласил Цзян Шоуяня в центр площадки.

Разморённый жарой Цзян Шоуянь немного растерялся, не понимая, что происходит, как вдруг услышал Пауло:

— (Я хочу пить. Райли, поиграй за меня немного.)

Цзян Шоуянь беспомощно улыбнулся:

— (Я не умею.)

Пауло:

— (Ничего страшного, мы играем для развлечения, без строгих правил. Просто перебрось мяч руками через сетку, и всё.)

Пауло с водой в руках встал у края площадки и встретился взглядом с Чэн Цзайе: в его глазах читалось явное «Ну давай, гаси, попробуй теперь загасить».

Чэн Цзайе проигнорировал его и опустил голову, стряхивая песок с мяча. Затем он поднял голову и спросил Цзян Шоуяня:

— Я подаю?

Цзян Шоуянь кивнул:

— Угу.

Пальцы Чэн Цзайе были очень длинными — он мог обхватить волейбольный мяч одной рукой. По привычке несколько раз прокрутив мяч в ладонях, он выполнил самую мягкую подачу за все годы, что играл в волейбол.

Цзян Шоуянь следил за траекторией мяча, падающего прямо перед ним. Он машинально вытянул обе руки вверх, пытаясь принять пас, а затем посмотрел на свои пальцы и медленно

моргнул. Видимо, положение рук было неправильным — ему показалось, что он потянул безымянный палец. Мяч перелетел через сетку, его поймал Чэн Цзайе. Он сделал два шага вперёд, схватился за сетку и, опустив голову, спросил:

— Что случилось? Подвернул?

Цзян Шоуянь пошевелил пальцами:

— Ничего страшного, не очень серьёзно.

Чэн Цзайе бросил мяч Пауло, стоявшему у кромки поля:

— (Играйте пока без меня, я посмотрю его палец.)

Ви вышел на поле вместо Чэн Цзайе, а Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе вместе отошли в тень. Чэн Цзайе очень осторожно взял его безымянный палец. На его ладонях были мозоли, от трения которых у основания пальца Цзян Шоуяня возникла лёгкая щекотка.

— Просто дёрнуло немного, сейчас уже не так больно.

Чэн Цзайе кивнул и, убедившись, что кость цела, сказал:

— Давай перебинтую для поддержки.

Он выудил из угла своей сумки маленький белый рулончик, раздвинул пальцы Цзян Шоуяня и обмотал сустав. Они сидели очень близко, их колени случайно соприкоснулись, на ногу Цзян Шоуяня попал песок.

— Извини, — Чэн Цзайе машинально протянул руку, чтобы отряхнуть его. Мозоли на его ладони прошлись по коже внешней стороны бедра, оба на мгновение замерли. Один — из-за гладкости кожи под рукой. Другой — из-за шершавого прикосновения, похожего на разряд тока.

Взгляды встретились — и тут же разошлись. Уголки губ Чэн Цзайе изогнулись в едва заметной улыбке, он обрезал бинт и закрепил конец.

— Откуда у тебя мозоли на руках? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе убрал ножницы и бинт обратно в сумку, затем открутил крышку бутылки с водой и протянул её Цзян Шоуяню:

— Одно время я увлекался скалолазанием, а ещё учился стрельбе.

Цзян Шоуянь взял бутылку и сделал глоток. Безымянный палец был перевязан немного туго, и двигать им было неудобно. Чэн Цзайе открыл бутылку воды и для себя:

— Ты, похоже, не очень дружишь со спортом.

Цзян Шоуянь с улыбкой ответил:

— Угу, слишком много работы, совсем нет времени.

Чэн Цзайе тоже улыбнулся:

— Ничего страшного, зато я в этом хорош. Если захочешь чему-то научиться, составлю тебе

компанию.

С площадки для пляжного волейбола снова позвали Чэн Цзайе. С ним игра была азартной, а сейчас потеряла весь запал. Чэн Цзайе обернулся, жестом показал, что понял, закрутил крышку и поставил свою воду вплотную к бутылке Цзян Шоуяня.

— Я пошёл играть. Если что-то понадобится, зови, — он поднялся и небрежно отряхнул песок, прилипший к шортам.

Цзян Шоуянь скользнул взглядом по двум стоящим рядом бутылкам и кивнул:

— Хорошо.

Чэн Цзайе, словно порыв ветра, умчался обратно на площадку, и первая же его подача была такой мощной, что Пауло захотелось упасть перед ним на колени.

Цзян Шоуянь некоторое время наблюдал за игрой, положив подбородок на колени, пока сбоку не раздалось тихое приветствие:

— (Здравствуйте, скажите, вы китаец?)

Это был португальский мальчик. Его родители загорали под большим зонтом и, заметив взгляд Цзян Шоуяня, дружелюбно ему улыбнулись. Цзян Шоуянь повернул голову к ребёнку:

— (Да. Рад познакомиться.)

Они обменялись именами, и мальчик потянул его собирать ракушки на берегу. Набежавшая

волна намочила обувь Цзян Шоуяня. Мальчик подошёл с веточкой в руках и спросил, может ли Цзян Шоуянь научить его китайскому языку.

— Конечно, — ответил Цзян Шоуянь.

Он посмотрел на лазурную воду и чаек, отдыхающих на камнях, а затем написал на влажном песке три слова: «морская вода», «чайка», «морской бриз».

— Морская вода, чайка, морской бриз.

Мальчик присел рядом на корточки и принялся старательно повторять. Морской бриз... Цзян Шоуянь подумал о Зефире. Имя Zephyr на древнегреческом означает «свободный западный ветер».

— (А как читается этот иероглиф?)

Цзян Шоуянь очнулся от мыслей, проследил за пальцем мальчика и увидел, что сам того не замечая, написал рядом со словом «морской бриз» иероглиф «E». Пока он пребывал в замешательстве, набежала волна, и влажный песок снова стал гладким.

Цзян Шоуянь обернулся, улыбнулся и тихо произнёс:

— (Исчез.)

Примечание переводчика. Иероглиф «E» (E) — последний иероглиф в имени главного героя Чэн Цзайе (E). Он означает «дикий», «необузданный», «своенравный». Его невольное

написание рядом со словом «风» (морской ветер) создаёт связь между образом ветра (ассоциация с прозвищем Zephyr) и самим Чэн Цзайе.

<http://bllate.org/book/14908/1340826>